

Институт "Открытое общество"
Общество братьев Чапек в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербургская Ассоциация международного сотрудничества
Санкт-Петербургская Ассоциация друзей Чехии и Словакии

Т.Г.МАСАРИК И РОССИЯ

Развернутые тезисы докладов
международной научной конференции

Санкт-Петербург
12—13 ноября 1997 г.

Санкт-Петербург
1997

17. Čas. 1906. 7. IX, 1907. 23. II.
 18. Program české strany pokrokové. Praha, 1912. S. 29.
 19. Ibid., S. 30.
 20. Ibid.
 21. Ibid., S. 32-33.

Вратислав Дубек (Прага, Чешская Республика)

СЛАВЯНСКИЙ КЛУБ И НЕОСЛАВИЗМ Т. Г. МАСАРИКА

Политическая деятельность Т. Г. Масарика до I-й мировой войны имела свое видимое и естественное развитие. Масарик первоначально не соби-рался заниматься политикой и лишь постепенно пришел к этим аспектам своей деятельности. Но с того времени, как Масарик вошел в политику, политическая активность сыграла в его жизни значительную и, можно сказать, определяющую роль. Если сначала Масарик усматривал свое на-значение прежде всего в области научной и культурно-просветительской работы, то вступление в политику в конце восьмидесятых годов прошлого века внесло в его жизнь новые координаты и масштабы, придало новую форму его представлениям о деятельности на пользу чешского народа и тес-нее привязало его к Чехии.

С самого начала Масарик оживлял чешскую политическую жизнь. Бо-гатство идей, врожденный критицизм и сильное честолюбие создавали предпосылки, чтобы его вклад был достаточно творческим, представлял новые взгляды на чешскую политическую реальность и давал пищу для размышлений. С другой стороны, те же черты личности Масарика возбу-ждали своей непримиримостью сопротивление, враждебную реакцию и за-трудняли его прямое участие в активной партийной политике. Место Ма-сарика в чешской политической жизни до I-й мировой войны мы могли бы охарактеризовать как положение общепризнанного и уважаемого, но не директивного и ведущего авторитета. Политическая активность Масарика, так же как и его теоретические, программные статьи, не задавали в чеш-ской довоенной политике основной тон, но, несмотря на это, были ее значительным и своеобразным элементом.

В этой характеристике, конечно, ничего не изменяют славянские аспек-ты политической деятельности Масарика, которые не были каким-то само-стоятельным, отдельным видом его политической активности, но были ее естественной частью. Одновременно надо подчеркнуть двоякий характер этого взаимоотношения. "Маргинальная европейская славянская филосо-фия", как позже назвал предмет интереса Масарика Ян Патоčka, обо-значала для Масарика прежде всего уравновешивающую силу по отноше-нию к культурному и духовному влиянию Запада. Самый фактор политической поддержки Россией чешских интересов, столь часто под-черкиваемый чешскими панславистами, Масарик именно в позднейшие годы принимал лишь с политическими, социальными и экономическими оговорками (хотя даже он никогда совсем его не отвергал). Но тем более важную роль сыграло в первый, "неполитический" период деятельности Масарика его убеждение в необходимости познания русского духовного

мира и его влияния и пользы для чешского общества. Путь молодого Ма-сарика вел от абстрактного славянского увлечения к активному чешскому национальному самосознанию. Но в тот момент, когда Масарик искал для этого самосознания современное выражение, когда он стремился, пока еще с позиции ученого и просветителя, сформулировать его значение и за-дачи, он находил опору именно в русском духовном мире. Его поначалу некритическое увлечение русской литературой и философией явно усили-вается в условиях острой политической борьбы в Чехии второй половины восьмидесятых годов. Одновременно с политической активизацией Маса-рика и более отчетливым пониманием различных интересов и целей от-дельных славянских народов эти тенденции различно претерпевают значительные изменения. Первоначально славянские духовные связи и импульсы не со-относились с реальными политическими задачами, и Масарик в своем понимании славянского вопроса обращается к более реальным австро-сла-вянским отношениям. Так мы сталкиваемся с его непосредственным вли-янием на культурно-политическое развитие Словакии, с его первыми кон-тактами с молодыми политиками, представляющими различные славянские народы империи.

Обе эти тенденции неким образом возвращаются и перекрещиваются спустя несколько лет, когда Масарик в начале нового века опять вернулся в активную партийную политику. Усиливается его внимание к австро-вен-герским южным славянам с целью достижения взаимопользительной политичес-кой поддержки. Но одновременно Масарик в трехтомнике "Россия и Ев-ропа" разрабатывает русскую тему. Содержание и тематика этого триптиха повлияли на политическую деятельность Масарика только косвенно. В пред-лагаемом здесь европейскому читателю анализе автор опирается на основ-ные тезисы своей философски обоснованной политической программы, уже ранее разработанной на чешской проблематике.

Вынужденные политической реальностью попытки реалистической партии достигнуть сотрудничества с другими политическими субъектами имели место в то время, когда все остальные партии и политики стреми-лись к коалиции, создавали политические союзы, укрепляли парламентские связи. В свете нашего спенцифического интереса заслуживает внимания предпринятая в 1909 г. новая попытка чешских политиков создать в авст-рийском представительном органе славянское политическое объединение. Масарик, с 1907 г. один из двух депутатов своей партии, в этом случае не стоял в стороне.

Возникновение Славянского клуба, конечно, явилось результатом целе-устремленных усилий, в его основу легли чешские прославянские связи. В начале 1909 г. в затруднительное положение попали прежде всего сербы и хорваты, жившие в пределах Австро-Венгрии. С лета предшествующего года в их рядах на основе фальсифицированных материалов проводились широкие аресты "государственных преступников", действовавших якобы при поддержке официальных лиц в Сербии. Вся провокация была задума-на как пропагандистский акт, направленный на возбуждение протифосер-бских настроений в монархии во время кульминации босенского кризиса. Этот кризис привел во внутренней политике к падению правительства Бека (7 ноября) и к началу правления кабинета Рихарда фон Бинерга.

Чешская общественность воспринимала подобную пропаганду совершенно не так, как она была задумана в Вене и как ее принимали чешские немцы. Чешскими политиками взаимопомощь между Чешским союзом и депутатами южных славян приветствовалась еще по одной причине: чехи (постоянный мотив их "славянской политики") вновь находились в состоянии бесперспективного спора с чешскими (и австрийскими) немцами и искали внешнюю поддержку. Существующий спор возник, как множество других, из-за незначительной причины. Обсуждение вопроса о языке делопроизводства в государственных учреждениях привело к взрыву национальных страстей. Бурные события прекратил премьер-министр, закрыв заседание парламента. Спустя два дня, 8 февраля, он закрыл и перенесенное заседание чешского собрания. Сразу посыпались упреки в слабости и угрозы: "Дело только в том, — написала газета "Час" ("Время"), — решится ли барон Бинерт со своим кабинетом прийти в парламента. Если он придет, что он обязан сделать, чехи, словенцы и соци/альные/ демократы нанесут ему сокрушительное поражение".

В марте того же года депутаты готовились не только к выражению доверия правительству, но также к выборам нового президиума палаты депутатов. Значительную роль тут сыграл именно Славянский клуб, важное место в событиях занял и Масарик. Первая встреча представителей Чешского союза с австро-венгерскими славянами (участие приняли также представители русинов — депутаты Глибовицкий и Кудилевич) произошла 11 февраля 1909 г. — только через несколько дней после закрытия 18-й сессии парламента.

Помимо общих фраз участники пока договорились о необходимости совместной оппозиции правительству. Но за кулисами переговоров с самого начала выдвигалось чешское требование поддержать предложенную ими кандидатуру председателя парламента. Самые большие надежды возлагались на Масарика как на приемлемого для всех кандидата. Это предложение не было для Масарика новостью. Подобные намеки передавал ему Главач, чешский журналист, уже сразу после его избрания депутатом парламента в 1907 г. Тогдашнее предложение исходило от немецких (!) депутатов, и уже тогда Масарик отнесся к нему презво, но не отрицательно. В 1909 г. для увеличения своих шансов он напряг все силы. Все его помыслы были сосредоточены на Славянском клубе: "Если бы Славянский/ клуб высказался за /мою кандидатуру/, я имею в виду чешские демок/ратов/, сионистов/...".

В переговоры в Славянском клубе Масарик вступил с самого начала активно и стремился повлиять на последующий ход событий. Однако его амбициям препятствовал пропорциональный принцип представительства отдельных партий, явившийся ключом для образования ведущих органов Клуба. Масарик так и остался в стороне, но борьба за его главные цели еще только предстояла.

Газета "Час", находившаяся под влиянием Масарика, даже не сомневалась, что важнейшей целью Славянского клуба является именно выбор председателя парламента. В статье от 3 марта, наверняка инспирированной Масариком, обоснованность дальнейшего существования Клуба прямо

обусловливалась результатом выборов: "С выбором немецкого председателя, как это нам ясно, Славянский клуб утратил основу своего существования. Мы хотим наконец проведения славянской и чешской политики на самом деле!"

Но надежды Масарика в то время уже угасали, и его кандидатура в конце концов не нашла достаточной поддержки. В важнейших переговорах чешские представители "начали не с того конца, возражая, что те или иные не выбрали бы проф. Масарика /...". Так, по мнению газеты "Час", отрицательное отношение младочехов содействовало избранию кандидата немецкой христианско-социальной партии Роберта Пагтаа. Против его 187 голосов общий кандидат Славянского клуба, представители которого накануне высказались за младочешского депутата Пацака, получил только 103 голоса. Все-таки члены Клуба не остались ни с чем, два его члена (депутаты Заворка и Лагня) заняли в президиуме видные посты.

Хотя деятельность Клуба не кончилась днем неудачных выборов, как предсказывала газета "Час", все же она подтолкнула к концу. Самый акт выбора председателя парламента был для Масарика несомненно важным жизненным и политическим рубежом, но трудно себе представить (и вся его тогдашняя работа на поприще т. наз. славянской политики убеждает нас в этом), чтобы все свои политические цели Масарик сводил к одним этим выборам. Параллельно с ходом переговоров о поддержке своей кандидатуры Масарик разработал и выдвинул на обсуждение проект программы Славянского клуба. Программа, состоящая из пяти параграфов, преследовала гораздо более долгосрочные планы во внутренней австро-венгерской политике, чем достижение единства во время выборов. В этой программе⁶ акцентировались экономическая взаимопомощь и сотрудничество, которые должны были проявиться прежде всего в поддержке финансовых учреждений, а также в широкой политической и культурной взаимности австро-венгерских славян. В качестве главной цели Масарик поставил усиление "культурного единства славян" (эти слова он только впоследствии внес в текст вместо первоначального единства "национального"). В особом пункте Масарик уделял внимание борьбе за политическое и культурное освобождение венгерских славян.

Эта программа интересует нас по нескольким причинам. Она подтверждает активный интерес Масарика к определенным, уже выявившимся национальным тенденциям в австро-венгерской внутренней политике. Она созвучна общей радикализации политических установок Масарика в период непосредственно предшествующий началу войны и намечает возможные программные связи сходно развивающихся национальных движений. Но прежде всего эти тезисы поразительно согласуются с программными установками неославизма. В представленных Масарика только еще больше подчеркиваются политические акценты. В полном согласии с чешским историком Яном Кршеником мы можем сказать, что попытка сформировать политическое единство славян в Австро-Венгрии в конце первого десятилетия двадцатого века представляла собой внутриполитическую аналогию к неославизму.⁷ Тем более примечательной является роль, которую по отношению к Славянскому клубу сыграл как раз Масарик, относившийся к неославянской деятельности по крайней мере недоверчиво.

В результате всего вышесказанного мы можем прийти к заключению, что причин было больше. С одной стороны, это разочарование ходом событий в России, как его выразил Масарик в своем произведении "Россия и Европа", и возросшее недоверие к возможностям сотрудничества с царской Россией. Но этим вопрос не исчерпывается. Точно так же нельзя ограничиться непрменной ссылкой на неприятие Масариком крайностей националистической политики, впрочем, находивших в неослабиме лишь ограниченные возможности. Не в последнюю очередь сыграла свою роль и личная антипатия по отношению к видному представителю чешских неославян Карлу Крамаржу. Но, с моей точки зрения, надо учитывать и глобкое разочарование Масарика последними событиями на поприще внутренней австро-венгерской славянской политики. Конкретно я имею в виду неуспех вначале поддерживаемого им Славянского клуба. Как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Масарика, Клуб не выполнил своей миссии. Он не оказался достаточно полезным ни в обеспечении общих политических и парламентских интересов, ни в оказании взаимной экономической и культурной помощи. С личным успехом Масарика потерпела фиаско и самая актуальная в то время задача: выборы общего славянского (чешского) кандидата на пост председателя парламента. С горечью поражения и нерасположением к себе Масарик не раз сталкивался и в последующей деятельности.

Но разочарование, вызванное тем, что цель не была достигнута, побуждало Масарика не в первый и не в последний раз в конечном итоге извлекать из него пользу. Со своими неудачами Масарик мирился очень трудно и прилагал необычайные усилия, чтобы добыть из них по меньшей мере новый опыт и познания. Мы имеем, естественно, в виду выступление Масарика в защиту "государственных преступников" в загребском процессе и позже в так наз. афере Фрилонга. Ведь защита югославянских интересов в австрийском парламенте с самого начала служила основанием общего славянского парламента клуба. Если ведущие представители Славянского клуба во главе с Крамаржем от австро-славянской проблематики переориентировались на общие задачи всеславянской взаимности, то Масарик действует в согласии с первоначальными целями Клуба: по внутренней политической южнославянской линии.

В тогдашней политической деятельности Масарика и в его южнославянской ориентации мы можем усматривать несколько моментов.

1) Босенский кризис, как и сопутствующие аферы и судебные разбирательства, привлекли к себе внимание не только австро-венгерского, но и европейского общества. От политических сражений Масарик никогда не уклонялся, готовился к ним всегда с большим упорством и целенаправленностью, но при этом трезво взвешивал все обстоятельства. Он никогда не искал линии наименьшего сопротивления, не желая не заметить обдуманности и рассудительности его поступков, направленных на осуществление реформаторских планов. После внутренних чешских конфликтов (в университете, борьба за разоблачение рукописных подделок или против антисемитизма) с начала века в его столкновениях с политической системой монархии преобладали вопросы, выходящие за рамки не только чешской, но и австро-венгерской политической реальности. После столкновений

с клерикалами, достигших наибольшей остроты в так наз. афере Бармунда, его внимание обратилось к южнославянскому вопросу, к его внутренним и внешнеполитическим аспектам.

2) Участием в "южнославянских" процессах Масарик завершал свою деятельность в Славянском клубе. Серьезно и ответственно боролся он за простую справедливость с того времени, как пришел к убеждению, что процессы инсценированы.

3) Убедившись в подложности материалов австрийского посольства, Масарик перенес критическое внимание на австрийского министра иностранных дел Эренталя. Все это полностью согласовалось с постепенной радикализацией отношения Масарика к австро-венгерскому государственному строю.

4) Следующим моментом была всеобъемлющая защита чешских национальных интересов. Масарик обсуждал способность государственного строя и власти выполнить его представления о необходимых изменениях на пути к демократизации Австро-Венгрии. С этой точки зрения он рассматривает и последующие шаги чешской политики. Обвинение государственной власти в неверной политике являлось, таким образом, только дальнейшим выражением скепсиса Масарика, только еще одним камнем, положенным на мосту его конструктивной политики.

5) Как опытный политик, Масарик не мог недооценивать скрытой угрозы для чешских интересов, которая таилась в этих событиях. Документы, опубликованные в рамках широкой антисербской пролагандистской кампании, должны были подтвердить не только наличие сербских и хорватских шовинистических и антимонархических настроений, но также их непосредственную связь с другим значительным центром этого движения — Чехией.⁸ Эти обвинения и намеки являлись непосредственной угрозой, их опровержение, напротив, — прямой защитой чешских политических интересов.

6) Последний момент мы можем развить еще дальше. Во время босенского кризиса получают наибольшее распространение представления о тройственном устройстве империи. Эти предложения, возникавшие в кругах около престола наследника Фердинанда д'Эсте,⁹ не звучали для чешских политиков как нечто оригинальное или само по себе враждебное. Чехи все время предавались подобным же размышлениям об австрийском триализме, который устранил бы их второстепенное место в монархии. Но возле Вены и Будапешта на третьей вершине государственного треугольника должна была стоять Прага, тогда как в размышлениях Фердинанда эту третью часть империи составляли бы как раз южнославянские герритории Австро-Венгрии. Для будущего чешского народа, который очутился бы в рамках этой остаточной австрийской доли, такая концепция представляла катастрофу. Этому надо было чинить препятствия везде и при любых обстоятельствах. Поражение государственной власти и ее южнославянской двойственной политики кнута и пряника с целью подчинения южных славян косвенно нанесло удар столь враждебной чешскому интересам политике триализма. Отношение Масарика к этому вопросу было открытым. — Никакого триализма, но предоставьте южным славянам свободу, предложите им образование и социальную помощь — и не надо

будет говорить о триализме. "Не говорите о триализме — пока мы должны требовать, чтобы современная политика не отталкивала австрийских югославян и не вызывала у них раздражения". Тот факт, что триализм не столько соответствовал интересам южных славян, сколько вредил интересам чехов, оставался невысказанным, но, несомненно, сознавался.

Примечания:

1. Patočka J.: Tři studie o Masarykovi. Praha, 1991. S. 24 n.
2. Vyhřídky nového kabinetu. Čas, 23/42/, 1909; ibid. S. 4.
3. Политические записки Масарика, без даты (написано между 3 и 9 марта 1909), A ÚTGM-MA-PS /Archiv Masaryka — Politické stati/ — K25, f109.
4. Slovanská jednota a volba presidenta sněmovny. Čas, 23/62/, 1909, S. 1.
5. Z říšské rady. Čas, 23/70/, 1909. S. 5.
6. Политические записки Масарика, без даты (до 4 марта 1909), A ÚTGM-MA-PS — K24, f103.
7. Srov. Křen, J. Konfliktní společenství. Praha, 1990. S. 347.
8. Srov. Funder P. /red./: Aktenstücke zur grosserbischen Propaganda in Österreich-Ungarn. Wien, 1909. S. 34.
9. Srov. Franz G.: Erzherzog Franz Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie. Brunn-München-Wien, 1943.

Иржи Сайдлер (Прага, Чешская Республика) **ВОЗНИКНОВЕНИЕ И БОРЬБА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА — ОСНОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА**

На множестве примеров подтверждается историческая правда о том, что самостоятельность государств не возникает автоматически, что ее необходимо защищать, а если ее не было или она была отнята, то за нее нужно бороться и ценой крови.

Моя скромная задача состоит в том, чтобы напомнить о заслугах Томаша Гаррига Масарика в создании национальной армии, чехословацкого легионерского корпуса, и сделать попытку краткого обзора его возникновения и активных действий прежде всего в России.

Когда 17 декабря 1914 г. Т.Г. Масарик покидал Прагу, намереваясь проложить свою деятельность в эмиграции, он уже был известен в научных кругах Запада как видный философ и знаток основных европейских проблем. Он прекрасно сознавал недеспособность австро-венгерской монархии и имел ясное представление об агрессивных планах прусского милитаризма. Для него не были тайной и взгляды некоторых кругов Запада, прежде всего в Англии и США, где господствовали определенные австрофильские тенденции, вытекающие из ошибочных представлений об Австро-Венгрии, которая якобы служила надежной преградой на пути прусского "Drang nach Osten". Масарик был также знатоком тяжелых проблем "гиганта на глиняных ногах" — России, где у него было много близких литературных и ученых друзей, и среди них в первую очередь известный политик, член позднейшего временного правительства П.Н. Милоков.

Масарик искренне симпатизировал русскому культурному слою и сочувствовал простому русскому народу, но отнюдь не был наивным русофилом, как большинство чешских политиков; бездушный и жестокий царский деспотизм он строго осуждал и предостерегал от него. Масарик был в резком противоречии и с прислужничеством и подхалимством чешских политиков по отношению к Вене. Его возмущало постыдное заявление чешских политических партий, которые 14 ноября 1915 г. униженно заявили австрийское правительство в своей лояльной готовности поддержать военные действия государства, являющегося "единственной поручкой благополучного развития чешской нации". Масарик понял, что необходимо бороться за поражение Австро-Венгрии на двух фронтах — у себя дома, что в ту пору еще не было достаточно обнадёживающим (позднее ТТМ принял участие в создании центра чешского подпольного сопротивления, так наз. Мафии, членами которого были политики, разделявшие его взгляды), и за рубежами Австро-Венгрии. Поэтому 17 декабря 1915 г. он покинул все пределы и уехал на Запад. Цель была ясна — добиться признания западными демократиями права чешской нации на самостоятельность и создать вооруженные силы из чешских и словацких военнопленных.

Т.Г. Масарик принял место профессора славяноведения в лондонском университете. В своей первой лекции, на которой присутствовал и английский премьер-министр Асквиг, он высказал идею создания, или точнее — возникновения чешского государства и одновременно высказался о проблемах будущего устройства центральной Европы. Глубина его взглядов и интенсивная поддержка его ближайшего сотрудника Милана Р. Штефаника, который благодаря своим дипломатическим способностям был извещен и принят в высших политических кругах Англии и Франции, — открыли ему путь и к высшим представителям власти.

Масарик знал, что еще меньше о наших народах осведомлены люди в США. И потому вскоре отправился за "большую лужу", где выступал на бесчисленных собраниях наших эмигрантов. Его целью было призвать молодых мужчин участвовать в будущей чешско-словацкой армии или хотя бы убедить их, чтобы они добровольно вступали в американскую десантную армию. Он не сомневался, что однажды США вступят в этот святой бой на стороне европейских демократий. Одновременно он обращался за материальной и финансовой поддержкой. Призыв нашел отклик, всего было получено 674885 долларов.

Главный человеческий резервуар для создания самостоятельной военной силы Масарик видел в России, где в лагерях военнопленных находилось несколько десятков тысяч чешских и словацких солдат. Масарик приехал в Россию в ночь с 15 на 16 мая 1917 г., чтобы получить согласие русского временного правительства на создание чехословацкого корпуса. Правда, время для позитивных политических решений было крайне невыгодное — в Петрограде царил хаос, не с кем было вести ответственные переговоры.

И все же первые контакты обнадёживали. Переговоры о создании чехословацкого корпуса и переправке его по сибирской магистрали во Францию окончились относительно успешом. Масарик неизменно ставил три